

ВЫПУСК
133-й

Мартти

Талвела

— Мы знаем, вы из семьи потомственных земледельцев, крестьян. Как же сложился ваш жизненный путь, приведший на оперную сцену?

— В нашем крестьянском роду время от времени появляется музыкант или певец. Да вот хотя бы мой двоюродный брат Тапани Валетта — видный в Финляндии пианист. Сам я начал с того, что в городе Порво преподавал в школе труд и пение.

— Так все-таки начали вы с пения?

— Но пение с детства было для меня обычным делом. В нашей семье любили петь, старался и я. А в конце 1950-х годов появилась особая тяга к этому, и я стал учиться пению. В 1959 году в Финской национальной опере гастролировал замечательный русский бас Иван Петров, пел Мефистофеля и Бориса Годунова. Я впервые попал в оперу, и Петров меня сразил! Тогда я поехал в Стокгольм — учиться у выдающегося тенора Мартина Земана. Целый год занимался, каждый день, и кое-чего достиг. Кстати, все мои учителя обучали меня нормальному, естественному методу пения, говорили, что никогда не надо вымучивать из себя звуки, и «белканто» давалось мне легко. Мой дебют состоялся на родине, в Финской национальной опере. Пел Спарафучиле в «Риголетто». Теперь я пою почти все из репертуара басов. Но с особым удовольствием — вещи Мусоргского, Рахманинова.

— Говорят, ваша «коронная» роль — Борис Годунов?

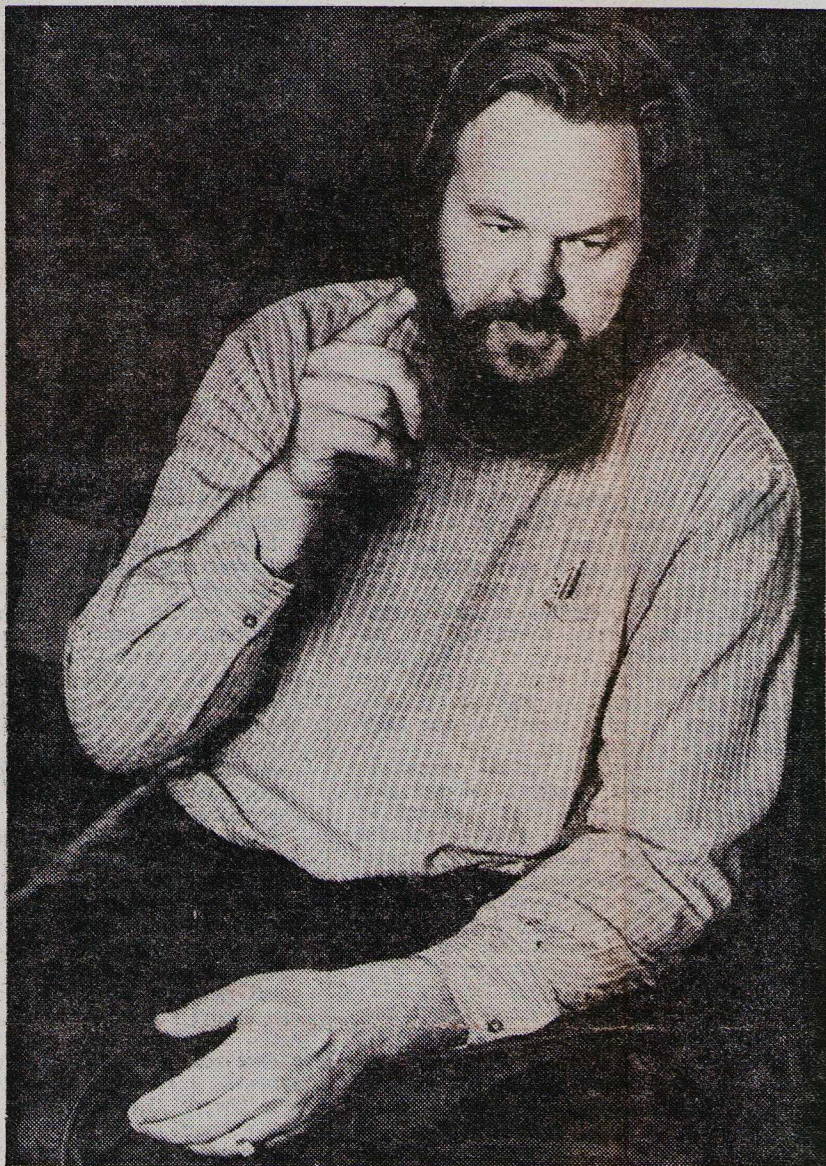
— Очень люблю! Пою Бориса в первоначальной трактовке, как написал Мусоргский. В этой оригинальной версии исполнял партию Бориса на русском, финском и немецком языках, в Мюнхене, в Сан-Франциско, в Нью-Йоркской «Метрополитен-опере» и, конечно, в Финляндии, на нашем оперном фестивале в Савонлинне. У меня каждый год примерно 10—12 выступлений в роли Бориса. Считаю, что та музыка, тот ритм, которые создал Мусоргский, весьма современны; это музыка наших дней!

Мартти Талвела надо видеть в тот момент, когда он это говорит. Он с волнением разглаживает пыльную, чуть седеющую бороду, взгляд и жесты его становятся величественными. Вот уже полился густой бас: «Шестой уж год я царствую спокойно...»

— Вы намерены петь Бориса и во время гастролей в СССР?

— Да, в Москве и в Ленинграде. А кроме него — партию Филиппа в «Дон Карлосе». Две диаметрально противоположные натуры: Борис очень эмоционален, Филипп лишен эмоций, кроме, пожалуй, одного кульминационного момента, когда происходит его нравственное крушение и гибель. А сила Бориса — в эмоциях, он постоянно на пределе своих чувств, пребывает в высшей степени нервного напряжения. Именно эта особенность роли полностью захватывает меня задолго, за несколько дней до спектакля, и долго не отпускает после представления... В ходе гастролей будут и концерты, на которых я хочу исполнить произведения Рахманинова, Мусоргского. Отдельные произведения из цикла Мусоргского «Песни и пляски смерти» поставлены в моем концертном репертуаре. Ну и финских компози-

В концерте, посвященном 200-летию Большого театра, арию из «Бориса Годунова» исполнил финский бас Мартти Талвела. Популярность этого певца перешагнула границы Финляндии: он с успехом выступает в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Вене, Гамбурге, Стокгольме. Сейчас началась первая большая гастрольная поездка певца по СССР. И вот он гость 13-й страницы «Недели».

торов — Сибелиуса, Куула, Килпинена, Кокконена, Саллинена.

Кстати, должен сказать, что, кроме Бориса Годунова, есть еще роль, которую я буду петь до конца дней своих: партия Досифея в «Хованщине» Мусоргского. По моему предложению эту оперу ставили на русском языке в Гамбурге с участием лучших певцов, таких, скажем, как болгарин Николай Гяуров. Скоро она пойдет в нескольких крупнейших театрах мира. Я получил предложение петь в одном из них Досифея.

Считаю поездку в СССР исключительно важной, в особенности приглашение петь Бориса. Для меня большая честь выступать на прославленных сценах Большого театра в Москве и театра имени Кирова в Ленинграде. Моя поездка по времени совпадает с празднованием двух славных юбилеев — 60-летия Великого Октября и 60-й годовщины провозглашения независимости Финляндии. Буду очень рад, если внесу свой вклад в дело укрепления наших добрососедских отношений.

— Вас порой называют «финским Шалепиным»...

— Ну что вы, это чересчур большая честь для меня. Федор Иванович был единственным в своем роде, сравнивать с ним некого. Он же был гениален... Я собрал все его пластинки, часто слушаю голос великого мастера, и это фантастическое наслаждение...

— Какое значение вы придаете внешним факторам — жестам, мимике, костюму, гриму?

— Прежде всего каждое движение должно быть естественным. На сцене ничего не должно быть такого, что «стреляло» бы мимо цели. Станиславский внес в разработку этих положений

огромный вклад. Я слеую его учению. В толковании ролей актер должен исходить из внутренней логики. У каждой роли достаточно четкие очертания. Поэтому, я бы сказал, надо стремиться к большей скупости движений, но и к большей их выразительности. Без мимики, грубо говоря, без выражения лица нельзя ничего сделать. Но мимика должна исходить из внутреннего содержания роли. Костюм и грим считаю необходимыми, однако костюм может вовсе не быть пыльным, а грим — не обязательно сложным. Грим — это тот легкий «заванес», который отделяет актера от его персонажа.

— Почему вы предпочитаете петь партии из русских опер непременно на русском языке?

— Во все не непременно. В Финляндии опера еще относительно мало известна народу. Поэтому многие жители Суоми презирают на оперный фестиваль в Савонлинну, чтобы лишь начать знакомиться с этим видом искусства. Следовательно, в Савонлинне необходимо петь только на финском языке. В принципе партии лучше исполнять на языке той страны, в какой они ставятся.

А на языке автора следует петь для публики, которая искушена в оперной тематике и хорошо знает содержание данного произведения. Я владею немецким, шведским, итальянским, английским, особое внимание уделяю русскому, Бориса с Досифеем всегда пою на русском. Ваш язык очень красив и выразителен. (Талвела продолжает разговор на русском языке). «Бориса Годунова» и «Хованщину» я сам перевел, проработал сам полностью, от начала до конца. Разговорной практики у меня, увы, маловато, зато с удовольствием читаю в оригина-

ле Толстого, Достоевского, Чехова, Тургенева.

— Какие у вас отношения с критиками?

— Полагаю, что хороших музыкальных критиков на свете очень немного. Я даже начинаю иногда предполагать, что большинство музыкальных критиков мира ненавидят две вещи — музыку и музыкантов. Зачастую оттого, что сам критик — неудачник в музыке. Есть, конечно, и заслуживающие уважения; в Финляндии, например, крупный знаток музыки — профессор Эрик Тавастшерна.

— В этом году вас избрали почетным доктором Хельсинкского университета. Не собираетесь ли читать лекции?

— Не-е-ет! Почетным доктором быть приятно, но преподавать... Дать консультацию, посоветовать — это еще куда ни шло, это больше соответствует моим возможностям и темпераменту. Но вряд ли я когда-либо сумею последовательно преподавать пение: я нетерпелив.

— Ваше отношение к современной опере?

— Я уже сказал, что считаю Мусоргского абсолютно современным композитором. В новых операх не вижу хороших басовых ролей. Хотя, быть может, новое знаю недостаточно.

— А как новая опера финского композитора академика Йонаса Кокконена «Последние искушения»? Вы исполняли в ней главную роль.

— Ее можно назвать современной, но ее музыка строится все-таки на классической основе. Это опера на народные темы; кстати, композитор работал над ней 16 лет.

— Есть сейчас в Финляндии подающие надежду басы?

— Сейчас есть четыре баса, из которых могут выйти самобытные мастера. Мартти Валлен — голос у него не очень сильный, но обладает необходимым своеобразием. В национальной опере — молодой Яакко Рюханен. Еще два баса — Матти Салминен и Хейкки Тойвонен, они уже копируются за границей.

— Ну, а теперь поделитесь личными секретами. Как вы проводите свободное время?

— Следовало бы добавить: «если оно бывает». Моя весьма плотная программа расписана на три года вперед. Пою на сцене уже около двадцати лет, и все время приходится ездить, ездить и ездить. Из этих двадцати лет я примерно пятнадцать жил в гостиницах; сейчас, правда, чуть меньше. Стараюсь больше бывать дома. И, когда оказываюсь дома и никто меня не беспокоит, любимое занятие — резьба по дереву. Делаю разные фигурки, работаю с резцом за небольшим станком. Жаль, что его нельзя брать с собой в поездки. Кстати, увлек этим делом и сына... А еще бегаю на лыжах (иначе какой же я финн?), люблю много ходить пешком, рыбачу.

— На морщину?

— Нет, такая рыбалка, по моему, не требует затрат энергии. Подледный лов не азартен и меня не интересует.

— В поездках скучаете ли по финской сауне?

— Конечно, и не только по сауне, а в первую очередь — по семье, по нашей природе, лесам, озерам. Однако ведь бывают и приятные поездки. В прошлом году в Ленинграде ходил в театры, бродил по городу. Не могу забыть спектакли БДТ имени Горького. Это лучший театр, который я когда-либо видел.

— Что собираетесь делать после гастролей в СССР?

— Петь не больше 45 больших партий в год. Сейчас я пою 55—60 в год, это многовато. Собираюсь выпустить свои пластинки с «Борисом Годуновым», «Последними искушениями», отдельными ариями и песнями. Затем есть еще Савонлинна (Талвела — художественный руководитель и душа этого оперного фестиваля). Фестиваль становится все более популярным. Этим летом на нем с большим успехом выступил академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии под управлением дирижера Арвида Янсонса. Вообще искусство нашей страны у нас очень популярно. Наши страны связывают давние узы дружбы, прочные отношения в области культуры. Исключительной популярностью в Финляндии пользуются пьесы Чехова, Горького и других русских и советских писателей. Сейчас в Финляндии проходит год советской драматургии. Хотелось бы создать ось дружбы и сотрудничества: Савонлинна — Ленинград. Организация оперного фестиваля в Савонлинне — трудная и большая работа, но я намерен заниматься ею и в дальнейшем. В репертуаре фестиваля 1978 года обязательно будет «Борис Годунов».

Гостя расспрашивали и фотографировали корреспонденты ТАСС в Хельсинки

Николай ГОРБУНОВ и Владимир ДОДОНОВ.